
Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343.713

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.3.53>

НЕОКОНЧЕННОЕ ВЫМОГАТЕЛЬСТВО

© Асеев А. Ю., Чекмезова Е. И., 2023

Сибирский юридический университет, г. Омск, Россия

Подвергнут критическому осмыслению распространенный в теории уголовного права тезис, постулирующий невозможность существования неоконченного вымогательства (как и иных преступлений с так называемыми формальными или усеченными составами). Продемонстрированы практические примеры привлечения к уголовной ответственности за приготовление к вымогательству и покушение на вымогательство. Выявлено, что существенные затруднения при отграничении неоконченного вымогательства от оконченного вызывает у субъектов правоприменения момент окончания вымогательства. Отдельный блок статьи посвящен доктринальным подходам к правовой оценке неоконченного насильственного вымогательства. Проанализированы спорные аспекты квалификации неоконченного насильственного вымогательства на практике. На основании анализа материалов судебной практики предложены признаки, образующие объективную сторону приготовления к вымогательству и покушения на вымогательство. Уделено внимание и вопросу о добровольном отказе от доведения вымогательства до конца.

Ключевые слова: вымогательство, неоконченное вымогательство, приготовление к вымогательству, покушение на вымогательство, добровольный отказ.

UNFINISHED EXTORTION

© Aseev A. Yu., Chekmezova E. I., 2023

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

The authors of the article critically comprehend a common in the theory of criminal law thesis postulating the impossibility of the existence of unfinished extortion (as well as other so-called formally defined crimes or inchoate crimes). Practical examples of criminal prosecution for preparing for extortion and attempted extortion have been demonstrated. It has been revealed that significant difficulties in distinguishing between unfinished extortion and completed extortion are caused by the subjects of law enforcement at the moment when extortion ends. A separate part of the article is devoted to the doctrinal approaches to the legal assessment of unfinished forced extortion. The controversial aspects of qualification of unfinished forced extortion in practice are analyzed. Based on the analysis of the materials of judicial practice, the authors propose features that form an objective side of preparation for extortion and attempted extortion. The issue of voluntary refusal to bring extortion to the end is also under consideration.

Keywords: extortion, unfinished extortion, preparation for extortion, attempted extortion, voluntary refusal.

Исходя из такого предложенного наукой уголовного права критерия классификации составов преступлений, как конструкция объективной стороны (иначе – момент окончания преступления), вымогательство относят либо к формальным [6], либо к усеченным [8] составам преступлений. Порой ученые и вовсе не могут определиться. Так, А. В. Бриллиантов и И. А. Клепицкий указывают: «Состав вымогательства сформулирован как формальный, для оконченного преступления достаточно лишь выдвинуть требование передачи чужого имущества или права на имущество, соединенное с характерной для вымогательства угрозой». Однако следующее же предложение авторы начинают так: «Это усеченный состав... Момент

окончания преступления практически вынесен на стадию покушения» [5].

Как известно, вопрос о возможности неоконченного преступления применительно к так называемым формальным (или усеченным) составам преступлений активно дискутируется и теоретиками уголовного права, и субъектами правоприменения.

Вместе с тем удовлетвориться ссылкой на «всеми признанную» «формальность» или «усеченность» состава преступления (что многим представляется своеобразной панацеей от существующих проблем квалификации: дескать, коль скоро состав формальный (либо усеченный), то никакого покушения (приготовления) быть не может – и точка) не позволяют ни до-

стижения уголовно-правовой науки, ни вызовы правоприменительной практики.

Убежденным противником доктринального деления составов преступления на формальные, усеченные и материальные, вслед за своим учителем А. Н. Трайниным, была Н. Ф. Кузнецова. В поздних своих работах Нинель Федоровна доказывала: «Такое деление составов проистекает из той же концептуальной ошибки, о которой говорилось ранее: из отождествления состава преступления с диспозицией уголовно-правовой нормы, а также из противопоставления преступления и его состава. Поскольку диспозиция норм УК действительно не всегда прямо упоминает общественно опасные последствия, постольку составы (читайте: диспозиции норм), где такие упоминания отсутствуют, именуются “формальными”. Общепризнанно, что преступлений без вредных последствий не существует, а их составы, образующие или даже (по-нормативистски) характеризующие общественную опасность, оказывается, могут быть без таковых... Правильнее было бы делить составы на составы с реальным вредом и с созданием угрозы его причинения» [13].

Последовательницей такой точки зрения в настоящее время выступает Н. Е. Крылова, которая не без оснований утверждает: «Никто, кроме законодателя, не вправе формулировать составы преступлений, следовательно, никто, кроме него, не может иметь представление о полном или неполном составе... Представляется необоснованным и явно не соответствует судебной практике мнение о том, что в преступлениях с формальным составом при выполнении лицом всех действий (актов бездействия), описанных в диспозиции уголовно-правовой нормы, преступление окончено. Лицо может выполнить все действия, но в итоге совершить не оконченное преступление, а лишь покушение на него. Это возможно в том случае, когда, например, имела место фактическая ошибка... Таким же мифом является расхожее мнение о том, что покушения на “преступление с усеченным составом” быть не может. В силу той же фактической ошибки покушение возможно всегда и на преступление с любым составом» [7, с. 27–28].

Изложенное свидетельствует о том, что вопрос о возможности неоконченного вымогательства (впрочем, как и любого другого «формального» («усеченного») состава преступления) в теории уголовного права не находит однозначного решения.

Дезориентирует такая постановка вопроса и правоприменителей. Так, в справке по резуль-

татам обобщения судебной практики по уголовным делам о вымогательстве, рассмотренным судами Республики Крым в 2014 – первом полугодии 2015 г., отмечалось: «Поскольку по данному виду преступления момент окончания преступления вынесен на стадию покушения, судьи затрудняются предположить, при каких обстоятельствах вымогательство может быть признано неоконченным преступлением, однако высказали свое мнение о том, что поскольку анализируемый состав преступления отнесен к категории усеченных, вымогательство вне зависимости от того этапа, на котором оно завершилось, не может быть квалифицировано как покушение, а вот действия виновного, предшествующие вымогательству, при наличии к тому оснований квалифицируются как приготовление к вымогательству»¹. В справке по результатам изучения судебной практики по уголовным делам о вымогательстве по вступившим в 2014 – первом полугодии 2015 г. в законную силу приговорам судов Колосовского районного суда Омской области указывалось: «Так как состав преступления формальный, то при вымогательстве нельзя совершить покушение, так как уже само действие образует состав указанного преступления, но если вымогатель направляет по почте письмо с требованием, то с момента отправки письма с требованием до момента его получения содеянное представляет собой покушение на вымогательство»².

Уголовный закон признает приготовлением к преступлению приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (ч. 1 ст. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (далее – УК РФ)), покушением – умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение

¹ Справка по результатам обобщения судебной практики по уголовным делам о вымогательстве, рассмотренным судами Республики Крым в 2014 году – первом полугодии 2015 года. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=9 (дата обращения: 10.03.2022).

² Справка по результатам изучения судебной практики по уголовным делам о вымогательстве по вступившим в 2014 году – первом полугодии 2015 года в законную силу приговорам судов Колосовского районного суда Омской области. URL: http://kolosovcourt.oms.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=424 (дата обращения: 10.03.2022).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // КонсультантПлюс: справочная правовая система.

преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (ч. 3 ст. 30 УК РФ).

В теории уголовного права покушение на преступление традиционно связывается с началом выполнения объективной стороны преступления (началом исполнения преступления).

В литературе отмечается, что покушение – это «осуществление с прямым умыслом действия (бездействия), непосредственно направленное на совершение конкретного преступления, прерванное по не зависящим от этого лица обстоятельствам, после непосредственного начала выполнения им объективной стороны данного преступления» [9, с. 181].

Аналогичное мнение сложилось и в судебной практике. В мотивировочной части одного из определений Верховный Суд РФ привел признаки, по которым следует разграничивать приготовление к преступлению и покушение на преступление: «Действия (бездействие) при покушении направлены непосредственно на совершение преступления. Это означает, что охраняемый уголовным законом объект уже начинает претерпевать изменения, а действия (бездействие) являются частью объективной стороны оконченного преступления... Приготовление к преступлению создает лишь условия для совершения задуманного преступления, а покушение на преступление создает реальную опасность причинения вреда объекту посяательства. При покушении субъект оказывает непосредственное воздействие на объект совершаемого преступления. При приготовлении к преступлению еще отсутствует непосредственное воздействие на объект задуманного преступления. При покушении лицо совершает действие (бездействие), непосредственно направленное на совершение преступления. Это означает, что оно начинает или продолжает выполнение объективной стороны задуманного преступления. Любые приготовительные к преступлению действия образуют объективную сторону приготовления к преступлению, однако они не входят в объективную сторону готовящегося преступления»¹.

В определении Верховного Суда РФ от 11 апреля 2007 г. по делу № 29-Д07-3 указывалось: «Просьба осужденного о переквалификации содеянного им на ч. 1 ст. 163 УК РФ не может быть удовлетворена, поскольку “вымогательство” имеет формальный состав преступления и является окончанным с момента предъявления

требования о передаче имущества и высказываний об этом, а это исключает возможность применения “покушения” (ст. 30 УК РФ)»².

Но так ли это?

В литературе возможность покушения на вымогательство связывается с ситуацией, когда требование, соединенное с угрозой, не достигает адресата независимо от воли виновного. Например, Д. А. Безбородов и Д. Ю. Краев заключают, что в случае предъявления вымогательского требования в письменной форме, «если такое письмо или СМС-сообщение с предъявленным требованием в силу каких-либо обстоятельств не дошло до потерпевшего (например, сбой в системе отправки СМС-сообщений, электронных писем или если потерпевший, не читая, удалил их), содеянное необходимо квалифицировать как покушение на вымогательство (ч. 3 ст. 30, ст. 163 УК РФ)» [1, с. 12]. Схожего мнения придерживаются А. Г. Безверхов [2] и П. С. Яни [15].

Сказанное оправданно распространить и на случаи, когда доведение до сведения потерпевшего требования, соединенного с угрозой, осуществляется виновным посредством передачи через третьих лиц, которые, в силу различных обстоятельств, требование это до сведения потерпевшего не доводят.

По нашему мнению, покушение на вымогательство имеет место и в тех случаях, когда, несмотря на выдвижение виновным лицом требования, соединенного с угрозой, оно не может быть адекватно воспринято потерпевшим ввиду блокирования (состояние сна, комы, ступора, сомнамбулизма) или существенного искажения (состояние сильного алкогольного или иного опьянения, психиатрическое заболевание) сферы восприятия.

Еще один пример, в котором усматривается покушение на вымогательство: виновное лицо устно адресует требование, подкрепленное угрозой, лицу, которое не владеет тем языком, на котором оно высказано, либо имеет дефекты слуха, не позволяющие воспринять смысл сказанного.

Другой пример покушения на вымогательство приводит Т. Р. Тагиев. Учитывая, что категория «существенный вред» в составе угрозы распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, относится к оценочным и решение вопроса о том, является ли вред существенным, зависит всецело от оценки потерпевшего, автор отмеча-

¹ Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 27 авг. 2002 г. № бкпо02-24 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 11 апр. 2007 г. по делу № 29-Д07-3. URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=167462 (дата обращения: 12.03.2022).

ет, что «в тех случаях, когда шантажист распространяет сведения, не способные, по мнению потерпевшего, причинить ему какой-либо вред, то его действия надлежит квалифицировать как покушение на вымогательство (ч. 3 ст. 30 и ст. 163 УК РФ)» [11, с. 67]. Справедливости ради отметим, что подобное мнение высказано еще в монографии Г. И. Волкова 1928 г. [см. 10, с. 60].

Согласно канонам теории квалификации преступлений покушение на вымогательство имеет место и при фактической ошибке виновного в личности потерпевшего.

Так, по одному из эпизодов уголовного дела в отношении ФИО4 установлено следующее. Во второй половине февраля 2015 г., после того как ФИО5 перестал отвечать на звонки ФИО4 по мобильному телефону, у последнего возник умысел на вымогательство денежных средств у членов семьи ФИО5 под угрозой распространения содержащихся в интернет-переписке сведений, позорящих ФИО5, а также членов его семьи. Реализуя свой преступный умысел, выполняя поиск в социальных сетях Интернета, уточнив поиск по месту жительства в социальной сети «ВКонтакте», ФИО4 нашел пользователя, подписанную как ФИО2, и, предполагая, что она является матерью ФИО5, начал с ней переписку, в ходе которой потребовал передать ему денежные средства в сумме 5 тыс. руб. под угрозой распространения сведений, позорящих ФИО5, а также членов его семьи, путем расклеивания сведений об указанной переписке в общественных местах пгт Советского, а также переслал ей данную переписку. Поскольку ФИО2 не являлась близким родственником ФИО5 и о требованиях ФИО4 мать ФИО5 не уведомляла, ФИО4 по независящим от него причинам не довел до конца свой умысел, непосредственно направленный на вымогательство денежных средств в размере 5 тыс. руб. у матери ФИО5 – ФИО3. Действия ФИО4 по данному эпизоду квалифицированы судом по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 163 УК РФ¹.

Существуют определенные сложности квалификации вымогательства как неоконченного в ситуации, когда виновное лицо решается на применение насилия (что является квалифицирующим признаком состава – п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ).

Как отмечает Р. Е. Токарчук, «психическое принуждение (требование) может сопровождать как разбой, так и грабеж, при этом в грабеже оно будет стадией покушения, в разбое –

оконченным деянием, а применение насилия (включая вред здоровью) без осознания потерпевшим его имущественного основания в вымогательстве – приготовлением к этому действию или покушением на него» [12, с. 79]. Не соглашается с ним Н. А. Карпова: «Подобная квалификация вымогательства является, на наш взгляд, неубедительной. В реальной действительности трудно представить себе подобного рода ситуации, связанные с вымогательством. Полагаем, что незаконное требование о передаче имущества и насилие неразрывно связаны между собой, дополняют и сопровождают друг друга» [4].

Примечательно одно уголовное дело, ставшее предметом апелляционного рассмотрения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, а также опосредованно послужившее поводом к обращению одним из осужденных по этому делу в Конституционный Суд РФ.

Фабула дела такова. Зная о том, что Я. является сиротой и проживает один, полагая, что при оказании на него физического и морального воздействия он передаст право на свое имущество, не окажет сопротивления и не обратится за помощью в правоохранительные органы или к иным лицам, П., Н. А., К. Р. Г. и Н. И. вступили между собой в сговор, распределили роли и разработали план вымогательства у Я. принадлежавшей ему квартиры. Вступив таким образом в преступный сговор, во исполнение разработанного совместного плана К. Р. Г., Н. И., Н. А. и П. приискали средства и орудия преступления, создали необходимые условия для его совершения, после чего приступили к совершению действий, непосредственно направленных на вымогательство.

Действуя по плану и выполняя свою роль, П., находясь в доверительных отношениях с Я., под предлогом совместного времяпрепровождения договорился с потерпевшим о том, что вечером приедет к нему домой. В свою очередь, Н. И. взял у своего знакомого, не осведомленного о преступном замысле, автомобиль, а Н. А. приобрел резиновые перчатки, вещество для замазывания объективов камер видеонаблюдения на подъезде дома Я. и бейсбольную битку, которую предполагалось использовать для подавления воли Я. к сопротивлению и подкрепления угроз путем демонстрации и нанесения телесных повреждений в ходе выдвигания ему требований о передаче права на имущество.

Продолжая выполнять преступный план, К. Р. Г., Н. И., Н. А. и П. на указанном выше автомобиле прибыли к месту жительства Я. При

¹ Приговор Советского районного суда Респ. Крым № 1-80/2015 от 21 апр. 2015 г. по делу № 1-80/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KOjikGYGKa5h/> (дата обращения: 15.03.2022).

этом Н. А. имел при себе резиновые медицинские перчатки, бейсбольную битку и вещество, которым он замазал объективы камер видеонаблюдения, расположенных при входе в подъезд, после чего передал П. бейсбольную битку.

П., действуя согласно отведенной ему роли, пройдя в квартиру Я., реализуя совместный умысел, преследуя цели приведения Я. в бессознательное состояние для обеспечения беспрепятственного прохода в квартиру остальных соучастников, а также подавления воли Я. к сопротивлению, подкрепления угроз при дальнейшем выдвигании требований передачи права на имущество, в этот же период времени нанес последнему удар бейсбольной биткой по голове. Однако, вопреки преступному плану соучастников, Я. сознание не потерял. В связи с этим, поскольку ожидаемый преступный результат не наступил, беспрепятственный доступ в квартиру потерпевшего К. Р. Г., Н. И., Н. А. и дальнейшее совершение вымогательства вместе с ними в рамках совместного умысла стали невозможны по независящим от соучастников обстоятельствам.

Приговором Московского городского суда от 8 августа 2019 г. по делу № 2-23/2019¹, который апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 ноября 2019 г. № 5-АПУ19-80² оставлен в силе, действия соучастников были квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ.

Далее один из осужденных, гражданин Республики Молдова Н. И., обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой, в которой утверждал, что «часть третья статьи 30 “Приготовление к преступлению и покушение на преступление” и пункт “б” части третьей статьи 163 “Вымогательство” УК Российской Федерации не соответствуют статьям 15 (части 1 и 2), 18, 19 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 49, 55 (часть 3), 56 (часть 3), 118 и 120 Конституции Российской Федерации в той части, в какой конструкция состава преступления, предусмотренного статьей 163 данного Кодекса, позволяет суду считать применение насилия к потерпевшему не действиями, подкрепляющими угрозу после высказывания требования имущественного характера, а умышленными действиями, непосредственно направленными на совершение такого преступления, хотя само требование не было предъяв-

лено по независящим от виновного лица обстоятельствам».

Отказывая в принятии данной жалобы к рассмотрению, Конституционный Суд РФ мотивировал свое решение следующим. Разграничение приготовления к преступлению, покушения на преступление и оконченного преступления производится по признакам объективной стороны соответствующего деяния. При этом совершенные действия, образующие лишь часть объективной стороны, признаются покушением на преступление (определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2019 г. № 2717-О³).

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия (постановления от 15 января 1999 г. № 1-П и от 2 июля 2013 г. № 16-П⁴), а потому включение насилия в объективную сторону квалифицированного состава вымогательства призвано обеспечить дополнительную защиту личной неприкосновенности и здоровья.

Согласно разъяснениям, данным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)», при вымогательстве насилие подкрепляет угрозу, а умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем (абз. 1 п. 10)⁵.

Подлежащие применению с учетом приведенных положений оспариваемые нормы не содержат неопределенности и не предполагают ответственность лица без установления судом направленности его умысла на основе оценки

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фокина Максима Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 окт. 2019 г. № 2717-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М. А. Клюева : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 янв. 1999 г. № 1-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁵ О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 17 дек. 2015 г. № 56 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

¹ Приговор Московского городского суда от 8 авг. 2019 г. по делу № 2-23/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 13 нояб. 2019 г. № 5-АПУ19-80 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

фактических обстоятельств конкретного дела, а потому не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя в обозначенном им аспекте¹.

В еще одном обнаруженном нами примере из судебной практики при аналогичных обстоятельствах содеянное виновными было квалифицировано по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

Так, виновные, действуя группой лиц по предварительному сговору, достоверно зная о наличии у потерпевшего № 1 денежных средств после продажи последней квартиры, реализуя совместный преступный умысел, направленный на совершение вымогательства денежных средств у потерпевшего № 1, после попыток встретиться со скрывавшимся от них потерпевшим № 1 с целью совершения преступления приехали к дому его знакомого (далее – потерпевший № 2), рассчитывая, что тот поможет им и организует встречу с потерпевшим № 1. Далее виновные пришли к квартире потерпевшего № 2, постучали в дверь, и после того, как последний открыл ее, один из соучастников нанес ему удар рукой в область туловища, в результате которого тот упал на пол. После этого потерпевшего № 2 вывели из подъезда и посадили в салон автомобиля, где виновные потребовали оказать им содействие и вывести из дома скрывавшегося от них потерпевшего № 1 с целью незаконного получения от последнего принадлежащих ему денежных средств. Впоследствии виновные применили в отношении потерпевшего № 2 насилие, подавляя его волю к сопротивлению и склоняя к содействию в организации встречи с потерпевшим № 1. Опасаясь реализации высказываемых угроз и продолжения применения в отношении него насилия, потерпевший № 2 согласился проследовать с виновными к месту жительства потерпевшего № 1 и под надуманным предлогом вывести его из квартиры на улицу. Однако довести свой преступный умысел до конца виновные не смогли по независящим от них обстоятельствам, так как потерпевший № 2, воспользовавшись ситуацией, смог зайти в квартиру к потерпевшему № 1, где закрылся совместно с ним и оставался там. В результате совместных противоправных действий виновных потерпевшему № 2 был причинен моральный и физический вред, а потерпевшему № 1 реально мог быть причинен материальный ущерб в сум-

ме 200 тыс. руб., а также моральный и физический вред².

Таким образом, правоприменительная практика свидетельствует о том, что в точке бифуркации центр тяжести при отграничении приготовления к насильственному вымогательству и покушения на насильственное вымогательство приходится на переход виновного к собственно насильственным действиям: если виновный уже приступил к применению насилия, но предъявление самого требования, обращенного в будущее и соединенное с вымогательской угрозой, предполагается виновным после применения насилия, то в ситуации, когда по независящим от виновного обстоятельствам довести до сведения потерпевшего это требование вместе с подкрепляющей его угрозой все-таки не удастся, содеянное им квалифицируется как покушение на насильственное вымогательство.

С точки зрения теории данный подход к квалификации содеянного в приведенных примерах неоспорен. Н. А. Лопашенко указывает: «В части 1 ст. 163 УК РФ дается определение вымогательства как требования передачи имущества под угрозами различного содержания, в чч. 2 и 3 статьи законодатель вновь употребляет термин “вымогательство”, который он раскрыл в первой части. Таким образом, вымогательство и в квалифицированном, и в особо квалифицированном составах обязательно включает в себя и требование передачи имущества, и угрозу, подкрепляющую это требование, которая, в свою очередь, иногда подкрепляется применением реального насилия» [8]. К аналогичному выводу приходит и З. М. Челябинова, отмечая при этом, что «по смыслу закона, насилие, сопровождая угрозу или следуя за ней, служит ее дополнением» [14, с. 25].

Следовательно, и при вменении квалифицирующего признака «с применением насилия» определяющим фактором для констатации покушения на вымогательство является начало выполнения виновным объективной стороны состава вымогательства (т. е. выдвигения требования, соединенного с угрозой), а значит, необходимо прежде установить в действиях виновного признаки основного состава вымогательства. Иначе происходит инверсия (как в поговорке – телега ставится впереди лошади): действия виновного, заключающиеся только в применении насилия (на этот момент еще нет ни требования,

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Молдова Нирки Иона на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 и пунктом «б» части третьей статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 июля 2020 г. № 1927-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Приговор Солнечногорского городского суда Московской области № 1-62/2016 от 8 апр. 2016 г. по делу № 1-62/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SELp9pn06oUo/> (дата обращения: 13.03.2022).

ни угрозы), признаются содержащими признаки основного состава вымогательства.

Убеждает в правильности такого подхода и грамматическое толкование. С точки зрения словоупотребления понятия «вымогательство» и «требование» идентичны. Под вымогательством понимается «неправомерное, незаконное требование денег, оплаты чего-л., прав на что-л.» [3, с. 475]. Следовательно, ставить вопрос о начале объективной стороны вымогательства в отсутствие выдвижения требования преждевременно.

Таким образом, есть основания утверждать, что содеянное в приведенных примерах есть приготовление к насильственному вымогательству. Поскольку по уголовному делу установлено, что в процессе совершения приготовления к вымогательству было применено насилие, значит, содеянное в данном случае требует дополнительной квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за посягательства на жизнь и здоровье.

Квалификация деяния как покушения на вымогательство на практике может быть вызвана и неправильным определением момента окончания вымогательства.

Так, Д. Ж., заведомо зная, что у него имеется видеозапись, позорящая честь и достоинство ФИО5, встретился с последним и под угрозой распространения указанной видеозаписи потребовал у него передать ему деньги в сумме 1500 руб. Впоследствии Д. Ж. был задержан сотрудниками полиции с поличным в момент получения требуемой суммы у ФИО5. Судом действия Д. Ж. квалифицированы как покушение на вымогательство. Аргументируя такое решение, суд в приговоре указал: «Его действия суд квалифицирует по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 163 УК РФ как оконченное покушение на вымогательство, поскольку вручение денег в сумме 1500 рублей было организовано по заявлению потерпевшего в органы полиции в ходе проведения оперативной закупки с применением технических средств»¹.

Полагаем, основания для квалификации содеянного как покушения на вымогательство в приведенном примере отсутствуют, так как сам факт противоправной манципации (перехода имущества от потерпевшего к виновному) выведен законодателем за рамки объективной стороны вымогательства. Для квалификации вымогательства как оконченного преступления достаточно установить факт доведения до сведения потерпевшего со стороны виновного лица обращенно-

го в будущее требования о передаче имущества, соединенного с одной (или несколькими) из предложенных диспозицией ст. 163 УК РФ угроз. Именно с моментом выдвижения требования, соединенного с угрозой, законодатель связывает наступление общественно опасных последствий в виде причинения психического и морального вреда потерпевшему, а также создания угрозы причинения реального вреда общественным отношениям собственности и таким объектам уголовно-правовой охраны, как жизнь и здоровье, честь и достоинство личности.

Основной состав вымогательства относится к категории преступлений средней тяжести (что исключает уголовную ответственность за приготовление к нему), однако квалифицированные составы вымогательства (ч. 2 и 3 ст. 163 УК РФ) относятся, соответственно, к тяжким и особо тяжким преступлениям, что обязывает правоприменителя привлекать виновных к уголовной ответственности за приготовление к ним.

Как приготовление к квалифицированному составу вымогательства квалифицируется на практике и деятельность виновного по истребанию исполнителей, передаче им средств и орудий совершения преступления, по созданию благоприятных условий для совершения запланированного им выдвижения требования предмета вымогательства (например, по подбору места выдвижения требования), если требование у потерпевшего денежных средств не доведено до сведения потерпевшего в связи с пресечением указанных действий сотрудниками полиции².

На практике нередки случаи (как правило, при вымогательском шантаже), когда виновный, прежде чем приступить к выполнению объективной стороны вымогательства, выражаясь языком процессуалистов, «формирует доказательственную базу». К таким действиям могут относиться, в частности, завладение фотографиями (видеозаписями) потерпевшего интимного или порнографического содержания (так называемыми нюдсами), иным компроматом на потерпевшего с целью последующего использования в ходе вымогательства, непосредственное создание виновным такого компромата.

Иллюстрацией подготовительной деятельности виновного может служить описание соответствующего этапа оконченного преступления в приговоре Калининского районного суда г. Чебоксары.

¹ Приговор Каякентского районного суда Респ. Дагестан от 18 июня 2012 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DTCBGWmjkabn/> (дата обращения: 11.03.2022).

² Приговор Цимлянского районного суда Ростовской области № 1-1/2019, 1-99/2018 от 26 апр. 2019 г. по делу № 1-1/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sp8XdtjOharC/> (дата обращения: 15.03.2022).

Так, в не установленное следствием время И. А. П., находясь у себя дома, разработал план совершения вымогательства денежных средств под угрозой распространения сведений, позорящих честь и достоинство, в отношении лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, согласно которому с использованием сети Интернет и страницы под вымышленным именем в социальной сети вступил в группу и в ходе переписки с потерпевшим, использующим страницу в социальной сети под именем ФИО1, договорился с последним о встрече у себя дома под предлогом занятия мужеложством. После этого И. А. П., используя доверительные и дружеские отношения, предложил ранее знакомому М. В. Н. принять участие в реализации указанного плана. Получив согласие М. В. Н., вступив таким образом в предварительный сговор на совместное вымогательство чужих денежных средств, И. А. П. и М. В. Н. распределили между собой роли в предстоящем преступлении. Потерпевший пришел в квартиру И. А. П., где в ходе знакомства последний, находясь в спальне, предложил потерпевшему раздеться для последующего занятия мужеложством. Когда потерпевший снял с себя одежду, оставшись в одних трусах, и лег на кровать, а И. А. П., подойдя к нему, обнял его, то М. В. Н., действуя по ранее достигнутой договоренности и выполняя отведенную ему роль, вышел из установленной в спальне шкафа-купе, снимая при этом происходящее на камеру имевшегося при нем мобильного телефона и комментируя приход потерпевшего для занятия мужеложством¹.

Логически выделить стадию приготовления к исследуемому преступлению позволяет также подробное описание содеянного виновным, который осужден приговором Нальчикского городского суда по п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

ФИО1 познакомился в социальной сети «Одноклассники» с потерпевшей и в ходе завязавшегося общения выяснил, что последняя имеет хороший заработок, недавно продала квартиру и располагает крупной суммой денег, состоит в браке, после чего задался умыслом, направленным на незаконное завладение денежными средствами, принадлежащими потерпевшей, в крупном размере путем вымогательства под угрозой распространения позорящих ее сведений, который реализовал при следующих обстоятельствах.

ФИО1 пригласил потерпевшую в съемную квартиру, где заранее установил свой сотовый телефон «Айфон-4» с включенным режимом видеозаписи для осуществления скрытой видеосъемки, после чего вступил с согласия потерпевшей, которая не подозревала о его преступных намерениях, в половую связь².

Рассуждая на тему неоконченного вымогательства, нельзя не затронуть вопрос о возможности добровольного отказа от данного преступления.

По одному из уголовных дел судом было установлено следующее. Первоначально Б. А. С. высказал К. А. И. требование передачи 1 тыс. руб. На отказ потерпевшего передать ему данную сумму подсудимый, высказывая угрозу применением насилия, открыто забрал у него телефон. Больше требований по передаче 1 тыс. руб. он не высказывал. Исключая из предъявленного Б. А. С. обвинения ч. 1 ст. 163 УК РФ как излишне вмененную, суд отметил, что Б. А. С. в ходе выполнения объективной стороны преступления, узнав об отсутствии у потерпевшего денег, добровольно отказался от требования передачи ему денежных средств в сумме 1 тыс. руб. Одновременно у него сформировался иной умысел, направленный на завладение сотовым телефоном потерпевшего под угрозой применения к нему насилия³.

На наш взгляд, такой подход суда ошибочен, поскольку опять-таки проигнорировано законодательное определение момента окончания вымогательства. Факт осознания виновным отсутствия у потерпевшего требуемого имущества или невозможности его предоставить не может рассматриваться как добровольный отказ, так как объективная сторона к этому моменту уже полностью выполнена виновным. Полагаем, в изложенной ситуации содеянное подлежит квалификации по правилам совокупности преступлений (вымогательство и грабег).

Добровольный отказ от доведения преступления до конца может иметь место в следующих случаях. Например, лицо, собрав компромат на предполагаемого потерпевшего, узнав о принадлежности последнего к криминальной среде (или о службе его в правоохранительных органах), испугавшись негативных для себя последствий, отказывается от реализации за-

² Приговор Нальчикского городского суда № 1-330/2018 от 25 мая 2018 г. по делу № 1-330/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SeHLzF4L6ExX/> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Приговор Новоспасского районного суда Ульяновской области № 1-1087/2015 от 29 окт. 2015 г. по делу № 1-1087/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eYn3u29FN0bO/> (дата обращения: 09.03.2022).

¹ Приговор Калининского районного суда г. Чебоксары № 1-408/2019 от 25 сент. 2019 г. по делу № 1-408/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9heINTDrl7bn/> (дата обращения: 14.03.2022).

думанного. Или же, скажем, лицо, отправив в письменной форме требование, соединенное с угрозой, в одном из современных мессенджеров («Ватсап», «Телеграм» и проч.), до прочтения требования адресатом стирает это сообщение, пользуясь опцией синхронного удаления сообщения у себя и собеседника, предоставленной соответствующими мессенджерами.

Проведенный анализ научной литературы и судебной практики позволяет сформулировать следующую теоретико-прикладную консеквенцию: причисление состава вымогательства к числу так называемых формальных (или усеченных) составов преступления нисколько не опровергает возможность (и необходимость) квалификации действий виновного, в зависимости от степени реализации преступного умысла, соответственно как приготовления к вымогательству и покушения на вымогательство, что следует учитывать практическим работникам в процессе юридической оценки содеянного.

К признакам объективной стороны покушения на вымогательство следует отнести осуществление виновным действий, непосредственно направленных на совершение преступления (начало выполнения объективной стороны вымогательства), т. е. выдвигание имущественного требования, соединенного с вымогательской угрозой (отправление письма, СМС-сообщения, передача такого требования третьему лицу с целью доведения до потерпевшего, начало непосредственного доведения требования до потерпевшего в устной форме), если при этом преступление не может быть доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

К признакам объективной стороны приготовления к вымогательству можно отнести приискание средств (например, транспорта) и орудий вымогательства (как правило, бейсбольных бит, ножей, огнестрельного оружия или предметов, его имитирующих), приискание соучастников, сговор на совершение преступления (разработка плана преступления, распределение ролей, определение потерпевших для посягательства), иное умышленное создание условий для совершения преступления (завладение, создание, фиксация компрометирующей информации – фотографии, видеозаписи, тексты – о потерпевшем с целью последующего использования при вымогательском шантаже, подбор места для выдвигания требования), если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безбородов Д. А., Краев Д. Ю. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)». СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2020. 48 с.
2. Безверхов А. Г. О некоторых вопросах квалификации вымогательства // Уголовное право. 2016. № 2. С. 4–11.
3. Большой академический словарь русского языка / Институт лингвистических исследований РАН. СПб. : С.-Петербург. издат.-книготорг. фирма «Наука», 2005. Т. 3. 664 с.
4. Карпова Н. А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации) : учеб. пособие / отв. ред. Н. Г. Кадников. М. : Юриспруденция, 2017. 80 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н. И. Ветров [и др.] ; под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2013. 912 с.
7. Крылова Н. Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2017. № 6. С. 15–28.
8. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012. 528 с.
9. Научные основы квалификации преступлений : учебник / С. Н. Шатилович [и др.]. Тюмень : Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 362 с.
10. Сафонов В. Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб. : СПб ИВЭСЭП : О-во «Знание», 2000. 239 с.
11. Тагиев Т. Р. Шантаж как способ совершения вымогательских действий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11 (62). С. 65–68.
12. Токарчук Р. Е. Пробелы и излишества уголовного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения // Российский юридический журнал. 2014. № 3 (96). С. 78–83.
13. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.
14. Челябова З. М. Проблемы квалификации вымогательства, совершенного с применением насилия: практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. 2017. № 1 (22). С. 23–26. <https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-23-26>
15. Яни П. С. Вопросы квалификации вымогательства // Законность. 2015. № 11 (973). С. 40–45.

REFERENCES

1. Bezborodov D.A., Kraev D.Yu. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 17 dekabrya 2015 goda № 56 «O sudebnoi praktike podelam o vymogatel'stve (statya 163 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii)»* [Scientific and Practical Commentary on the Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 17, 2015 N 56 "On Judicial Practice in Cases of Extortion (Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation)"]. Saint Petersburg, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the R.F. Prosecutor General's Office, 2020, 48 p. (in Russian)
2. Bezverkhov A.G. O nekotorykh voprosakh kvalifikatsii vymogatel'stva [About Some Questions of Qualification of Extortion]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2016, no. 2, pp. 4-11. (in Russian)
3. *Bolshoi akademicheskii slovar russkogo oazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Nauka Publ, 2005, vol. 3, 664 p. (in Russian)

4. Karpova N.A. *Neokonchennaya prestupnaya deyatel'nost' (ponyatie i problem kvalifikatsii)* [Unfinished Criminal Activity (The Concept and Problems of Qualification)]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ, 2017, 80 p. (in Russian)

5. Brilliantov A.V., Dolzhenkova G.D., Zhevlakov E.N. [et al.]. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. 2nd ed., Moscow, Prospekt Publ, 2015, vol. 1, 792 p. (in Russian)

6. Vetrov N.I., Daishutov M.M., Dashkov G.V. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: nauchno-prakticheskii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: Scientific and Practical (article-by-article)]. 2nd ed. Moscow, Yurisprudentsiya Publ, 2013, 912 p. (in Russian)

7. Krylova N.E. *Materialnye, formalnye i usechnyye sostavy prestuplenij: diskussiya s prodolzheniem* [Material, Formal and Truncated Offenses: The Debate with Continuation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo* [Moscow University Law Bulletin], 2017, no. 6, pp. 15-28 (in Russian)

8. Lopashenko N.A. *Posyagatelstva na sobstvennost* [Encroachment on Property]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2012, 528 p. (in Russian)

9. Shatilovich S.N. [et al.]. *Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestuplenij* [Scientific Basis for the Qualification of Crimes]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia, 2015, 362 p. (in Russian)

10. Safonov V.N. *Organizovannoe vymogatelstvo: ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii ianaliz* [Organized Extortion: Criminal Law and Criminological Analysis]. Saint Petersburg, Saint Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, Znanie Publ, 2000, 239 p. (in Russian)

11. Tagiev T.R. *Shantazh kak sposob soversheniya vymogatel'skikh deistvii* [Blackmail as a Way to Commit Extortionate Actions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2006, no. 11(62), pp. 65-68 (in Russian)

12. Tokarchuk R.E. *Probely i izlishstva ugolovnogo zakonodatelstva RF, kasayushchiesya nekotorykh form khishcheniya. Puti ikh ustraneniya* [Gaps and Excesses of the Criminal Legislation of the RF Concerning Certain Forms of Stealing. Ways to Overcome Them]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2014, no. 3(96), pp. 78-83 (in Russian)

13. Belokobyl'skii N.N. [et al.]. *Ugolovnoe parvo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast* [The Criminal Law of the Russian Federation. General Part]. Moscow, Statut Publ, 2012, 879 p. (in Russian)

14. Cheliabova Z.M. *Problemy kvalifikatsii vymogatelstva, sovershennogo s primeneniem nasiliya: praktika pravoprimereniya* [Problems of Qualification of Extortion Committed with Violence:

Law Enforcement Practice]. *Monitoring pravoprimereniya* [Monitoring of Law Enforcement], 2017, no. 1(22), pp. 23-26. <https://doi.org/10.21681/2412-8163-2017-1-23-26> (in Russian)

15. Yani P.S. *Voprosy kvalifikatsii vymogatelstva* [The Issues of Classification of Extortion]. *Zakonnost* [Zakonnost], 2015, no. 11(973), pp. 40-45 (in Russian)

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 13.09.2023

Received on 10.04.2022; approved on 15.01.2023; accepted for publication on 13.09.2023

Асеев Андрей Юрьевич – студент, Сибирский юридический университет (Россия, 644010, г. Омск, ул. Короленко, 12), ORCID: 0000-0002-3339-3272, ResearcherID: AGF-0226-2022, e-mail: a.andrei1999@yandex.ru

Aseev Andrey Yurievich – Student, Siberian Law University (12, Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-3339-3272, ResearcherID: AGF-0226-2022, e-mail: a.andrei1999@yandex.ru

Чекмезова Елена Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Сибирский юридический университет (Россия, 644010, г. Омск, ул. Короленко, 12), ORCID: 0000-0001-6060-4517, ResearcherID: AGH-8409-2022, e-mail: e555@list.ru

Chekmezova Elena Ivanovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Criminal Law and Criminology, Siberian Law University (12, Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-6060-4517, ResearcherID: AGH-8409-2022, e-mail: e555@list.ru

Вклад авторов статьи

Асеев Андрей Юрьевич – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, написание текста.

Чекмезова Елена Ивановна – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, написание текста, утверждение окончательного варианта статьи.